

Басилашвили Олег Иванович 1947.12.03
Валерианович (ген.)

Кем он только не был! Переводчиком и зеком, карьеристом и бомжом, аристократом и циничным отравителем. Старшее поколение знает его как звезду товстоноговского театра. Поколение помладше, выросшее на классике советского кинематографа, бесконечно показываемой и любимой, узнало это лицо "из телевизора". На родине предков, в грузинском селе, вообще не знают, что он артист. А в жизни он примерил на себя ещё и роли депутата и телеведущего. Работает в Питере, родился в Москве... Разобраться во множестве ликов народного артиста Олега Басилашвили попытался наш корреспондент **Афанасий БОРЦОВ**.

– Олег Валерианович, давайте сначала разберёмся с вашим происхождением: живёте в Питере, фамилия грузинская, везде хвалите Москву...

– Всё очень просто: я родился в Москве, живу в Петербурге. Знаете, я застал ту старую Москву – дворики, переулки, не омрачённые сталинским ампиром, брежневским соцреализмом и лужковским модерном. Напротив дома, в котором я увидел свет, был храм Троицы Живоначальной. Когда я был маленьким, в этой церкви организовали клуб мясной промышленности. Мне стыдно это рассказывать и стыдно

вспоминать, но забывать об этом нельзя. Колокольный купол храма взорвали. А когда началась Великая Отечественная, в подвале храма оборудовали бомбоубежище. Внутри стоял нестерпимый запах лекарств. В 41-м были огромные очереди за продуктами. Мама вставала в 5 утра и до трёх часов дня стояла за маслом. Однажды бабушке каким-то образом досталось несколько килограммов картошки. На антресоли в ванной она нашла здоровенную бутылку рыбьего жира, которым меня в детстве закармливали. Она стала жарить картошку на рыбьем жире. Вонь в квартире распространилась такая, что невозможно было внутри находиться. К нам прибежали соседи: "Вы что, где-то рыбу достали?" Вы знаете, гораздо позднее я обедал на Монмартре в роскошном ресторане, но должен сказать, что бабушкино блюдо было вкуснее.

– Разве во время войны вас не эвакуировали?

– Эвакуировали, но не сразу. Мы попали в Тбилиси, на родину моих дедов по отцовской линии. Там нас прикрепили к какой-то столовой. Давали ржавого цвета суп с тремя несчастными лапшинками. Мне он очень нравился. Как-то раз я мигом съел свою порцию, а напротив меня сидел мужчина в военной форме с такой же миской, как и у меня. Он видел по моим глазам, что я страшно голоден, и вдруг предло-

жил: "Хочешь мою порцию?" Я принался, что хочу. Он подвинул ко мне свою тарелку и... заплакал! Знаете – это очень страшно, когда здоровый мужчина навзрыд рыдает...

– Как вы решили стать актёром?

– Это не наследственная профессия. Я родился в семье директора политехникума и доктора филологии. Почему решил учиться в театральном? Потому что с детства питаю неприязнь ко всем точным наукам – тройка по алгебре, физике или химии была для меня несбыточной мечтой. Я старался, зубрил, подсаживался к отличникам, решал задачки ночами – всё тщетно. Точные науки мне противопоказаны. Свободное время я заполнял походами в Художественный театр. А после школы пришёл в студию МХАТа.

– Как прошли студенческие годы? В юности, поди, слыли донжуаном?

Олег Басилашвили: «Диагноз "порядочный человек" здоровья не прибавляет».

Земля Басилашвили

– Увы, был по-другому воспитан, к тому же я учился ещё в раздельной школе. Девочек мы видели только во дворе. Знаете, у нас в школе висела картина "Приём пионеров в комсомол", и там в центре на табурете сидела пионервожатая в коротенькой юбке, нога на ногу – тогда это казалось пределом эротичности. Когда нас повели в музей имени Пушкина, я покраснел при виде скульптуры Афродиты.

– Как же вы за Татьяной Дорониной потом ухаживали при таком строгом воспитании?

– Мы были однокурсниками. Она простая девушка из крестьянской семьи, увлечённая литературой и театром. Я сразу определил – эта девочка очень незаурядна, а скоро понял, что она даже талантлива. Мне это импонировало. Познакомились поближе. Стали дружить, обмениваться книжками,

гулять по вечерней Москве, целоваться под проливным дождём. Чем это могло кончиться? Только свадьбой – перед самым окончанием студии МХАТа. Она удивительный, бесподобный человек, но восемь лет совместной жизни... Мы поначалу были романтической парочкой и очень долго витали в облаках. Вместе в Ленинград приехали к Товстоногову, в Большой драматический театр. Только город дождей нас не объединил. Я по своему духу был диссидентом. Она – ярый коммунист. Для меня это было даже удивительно: Таня если и не помнила сама, то от мамы и бабки должна была слышать о прелестях раскулачивания и "сладкой" жизни села после октябрьского переворота. Откуда в ней взялась такая стойкая вера в идеалы ленинцев, ума не приложу. Я уважаю её за нестигаемость убеждений, но жить с человеком, который проповедует взгляды, чуждые те-